

С тех пор как в третий год эры Жэньдэ скончался покойный император, Ду Сюэтан ни разу не посещал императорский храм предков. Возможно, он не решался или просто не мог представить, как тот человек будет выглядеть на портрете. Теперь, стоя здесь, он понимал, что и правда не было особой необходимости приходить.

В зале горели вечные лампы, аромат благовоний витал в воздухе. Ду Сюэтан смотрел на портрет перед собой. На свитке длиной в три чи был изображен человек, сидящий с прямой спиной, с суровым и величественным выражением лица. Его взгляд был полон строгости.

Это был не он. Это был лишь образ императора, созданный воображением людей.

****Северное предместье, императорский мавзолей****

Ду Сюэтан, как и ожидалось, но с некоторым удивлением увидел Ань Цзыци. У маркиза Ань виски слегка поседел, но он по-прежнему выглядел строгим.

— Маркиз Ань, — поклонился он.

— Канцлер Сюэ, — ответил Ань Цзыци, также поклонившись.

— Уже не канцлер, — поправил Ду Сюэтан.

Ань Цзыци на мгновение замер, затем снова поклонился:

— Прошу прощения, старейшина Сюэ.

Ду Сюэтан слегка нахмурился, посмотрел на него искоса:

— Это обращение... лучше не надо.

Ань Цзыци кивнул, не стал продолжать и, идя рядом, сказал:

— Дело матушки Сюэ... примите мои соболезнования.

— Маркиз, — Ду Сюэтан глубоко вдохнул и посмотрел на него, — мы видели, как многие уходят, но все равно не можем смириться с потерей.

— Потому что те, кто уходят, — наши самые близкие.

Ду Сюэтан вдруг остановился. Маркиз Ань посмотрел на него, и на его лице появилась легкая улыбка, смягчившая суровость.

— Поэтому не нужно смиряться. Просто храните их в своем сердце.

Правильно, просто храните их в сердце!

На обратном пути Ань Цзыци все еще стоял там, с третьего года Жэньдэ. Ду Сюэтан смотрел на его спину и вдруг вспомнил ту улыбку. Ему показалось, что перед покойным императором маркиз Ань никогда не был таким суровым и жестоким.

В повозке, возвращаясь в город, он увидел Ань Цзымо. Когда их экипажи поравнялись, Ань Цзымо слегка кивнул ему. Ду Сюэтан взглянул в окно и подумал, что сановник Ань, похоже, снова ничего не добился.

Ань Цзымо молча и с сожалением смотрел на брата:

— Цзыци...

— Старший брат, — поднял голову Ань Цзыци, прерывая его привычные слова, — почему ты не можешь поверить, что у меня все хорошо?

— День за днем стоять у мавзолея — это хорошо?

— А день за днем участвовать в дворцовых интригах и погибнуть на поле боя — это хорошо?

Ань Цзымо замолчал. Каждый раз, когда он приходил, он терял дар речи. Он посмотрел на таблички с именами в зале, и вдруг его плечи опустились.

— Цзыци, есть одна вещь, которую я давно хотел тебе сказать...

— Я знаю.

— Ты знаешь?

Ань Цзыци кивнул:

— Ты хочешь сказать о втором году Жэньдэ... когда ты вошел во дворец... а Его Величество... — Он не закончил, остановился и тоже посмотрел на таблички.

— Это был покойный император, — поправил Ань Цзымо, хотя знал, что это бесполезно. — Как ты узнал?

Ань Цзыци вздохнул:

— В тот год было холодно. Я нашел Ли Ханя и заставил его говорить. Может, он пожалел меня, а может, испугался, но рассказал мне все, чего я не знал.

Ань Цзымо больше ничего не сказал, молча постоял некоторое время, затем резко повернулся:

— Завтра я отправлю Цина навестить тебя. Ты сам не умеешь о себе заботиться.

В его голосе звучало раздражение, но в то же время облегчение.

— Старший брат, — вдруг сказал Ань Цзыци, — Его Величество... испытывал ко мне чувства.

— Думаю, да, — кивнул Ань Цзымо и ушел.

Ду Сюэтан заметил знакомое место — зеленую лужайку, где вокруг разливались ароматы трав и цветов. Следуя внутреннему чутью, он пошел вперед и вскоре обнаружил огромный платан в центре луга.

Под деревом стоял человек в короне из белого нефрита. Его взгляд был спокоен, но, увидев Ду Сюэтана, он стал мягким и нежным. Он улыбнулся, и в его улыбке читалась юношеская радость.

— Ты наконец вернулся, — с улыбкой сказал Цинь Юй.

Ду Сюэтан сделал два шага вперед и остановился перед ним. Он хотел что-то сказать, но был

внезапно обнят.

— Князь, — он почувствовал запах полевых цветов, исходящий от его тела.

— Что случилось?

— Я постарел, стал некрасивым.

— Кто это сказал? — Цинь Юй поднял его голову и поцеловал в лоб. — Сюэ Тан, ты прекрасен!

Ду Сюэтан засмеялся:

— Князь, цикады слишком шумят.

— Я обниму тебя, и ничто больше не сможет тебя потревожить.

Хорошо, обними меня крепче. Мы потратили слишком много времени впустую, и теперь больше не разлучимся.

****Двадцать первый год Дасин****

Великий наставник Сюэ Фу тяжело заболел и скончался в зимнюю ночь. Император был настолько опечален, что целый день не ел. Он лично посетил место траура и издал указ о трехдневном перерыве в делах государства, объявив общенациональный траур.

****Двадцать шестой год Юаньшоу****

Вечером, после заката, дворец Миньюэ под золотистыми лучами выглядел особенно очаровательно. Недавно получившая покой супруга Лю, опершись на полуседого императора У, сказала:

— Ваше Величество, эта рабыня оскорбила меня. Вы просто оставите это без внимания?

На полу стояла на коленях женщина в бедной одежде, явно не имевшая высокого статуса. Маленький евнух рядом хлопал ее по щекам, а она опустила голову, позволяя крови стекать из уголков рта.

Император Мин У, поглаживая нежную щеку супруги Лю, улыбнулся:

— Что же ты предлагаешь?

Супруга Лю смущенно прижалась к груди императора:

— Я слушаю Ваше Величество.

— Тогда отправь ее в прачечную в качестве рабыни. Как тебе это?

Император поднял подбородок женщины и засмеялся. Все присутствующие не придали этому значения.

— Отец!

Недалеко появился юноша с круглым лицом, яркими глазами и благородными бровями. Он выглядел очень знатным, хотя его одежда была поношенной.

— Отец, прошу милости. Мать уже в годах, и она не вынесет тяжелой работы в прачечной.

Император Мин У посмотрел на юношу, стоящего на коленях, и его взгляд замер, словно он что-то вспоминал.

— Это шестнадцатый принц Сыма Шаоцзюнь, сын наложницы Ван, — шепотом сказал старый евнух рядом.

Император Мин У был известен своей любвеобильностью, и у него было много сыновей и дочерей. Подобных Сыма Шаоцзюню, которые редко появлялись и не имели высокого статуса, он часто не узнавал.

— Ах, — равнодушно ответил император.

Сыма Шаоцзюнь продолжал кланяться, пока на его лбу не появились следы крови. Наложница Ван посмотрела на него с жалостью, но, будучи робкой, не осмелилась ничего сказать.

— Отец, я готов взять вину матери на себя. Прошу вашей милости, — Сыма Шаоцзюнь, глядя на мать, стиснул зубы.

— Отец, — юноша постарше, одетый в богатые одежды, стоявший рядом с императором, заговорил. — Хотя наложница Ван и провинилась, но шестнадцатый брат проявляет сыновнюю почтительность. В Бэйюн уже много лет нет результатов. Не дадите ли вы ему возможность проявить себя?

Сыма Шаоань не заботился о незнакомом брате и низкостоящей наложнице. Супруга Лю за последний год слишком быстро поднялась. Если она станет наложницей и родит сына, его положение окажется под угрозой. Поэтому нужно давить! И как раз сейчас ему нужен такой «брат», чтобы помочь князю Ли укрепить своих подчиненных.

— Тогда пусть будет так, как сказал Шаоань, — сказал император и поднялся, направляясь в спальные покои.

После всех этих событий он уже устал и хотел только обнять красавицу и лечь спать.

— Благодарю отца за милость, — Сыма Шаоцзюнь одиноко стоял на коленях на земле, а рядом с ним лишь робкая наложница Ван.

В маленьком дворике в углу дворца наложница Ван смотрела на сына, которого ей предстояло отпустить, присела и обняла его:

— Шаоцзюнь, я буду молиться за тебя.

— Мама, — Сыма Шаоцзюнь оттолкнул наложницу Ван, и его благородные брови дрогнули. — Молитвы бесполезны.

Дворец не нуждается в сострадании, здесь нет богов, которые защитят. Выйдя за его пределы, ты можешь рассчитывать только на себя.

Юнцзин

Сыма Шаоцзюнь сидел в повозке. Он откинул занавеску и увидел, как перед ним медленно проплывает табличка городских ворот. Он смотрел на прямую мощеную дорогу, и на его еще юном лице промелькнула решимость.

— Господин, мы прибыли, — сказал человек снаружи.

— Хорошо, — ответил Сыма Шаоцзюнь, глубоко вдохнул, привел себя в порядок и вышел из повозки.

Торговый дом «Ханьшань». Сыма Шаоцзюнь взглянул на табличку и последовал за проводником наверх. В верхнем помещении проводник открыл дверь, и человек, сидевший внутри, поднял глаза и некоторое время смотрел на него, прежде чем встать.

— Приветствую Ваше Высочество.

****Авторское примечание:****

Цинь Мин не получился!

Когда я задумывал этот текст, я создал огромный фон. Цинь Мин связан с периодом после императора Сяо. На самом деле, за всю историю Великой Юн было несколько важных поворотов: Тайцзу против императрицы Хэ, князь Лян против Фэн Юйфэя, а также события после императора Сяо. Еще есть разные истории, такие как император Чжао и сын клана Юэ, искажения императора Вэй. Я хотел бы постепенно написать обо всем этом, но не знаю, кто дал мне такую амбициозную цель.

Честно, сейчас я чувствую, что, возможно, просто объелся и продолжаю икать.

<http://bllate.org/book/16170/1454214>